

The book cover features a fantasy illustration. In the foreground, a man with long, dark, wavy hair and intense blue eyes looks directly at the viewer. He has a light beard and is wearing a blue shirt under a brown leather tunic with ornate gold-colored embroidery on the shoulder. A brown leather strap with a metal buckle is visible across his chest. Behind him, a woman with long brown hair in two braids is looking down. She wears a blue hooded cloak over a blue dress with a decorative bodice. The background shows a bright sky with a dragon flying in the distance and a castle with spires on the right. The entire cover is framed by decorative golden scrollwork.

Алиса Лаврова

собственность
ДРАКОНА

Алиса Лаврова

Собственность Дракона

«Литнет»

2024

Лаврова А.

Собственность Дракона / А. Лаврова — «Литнет», 2024

— Подумаешь, слегка наказал... Всё, что делает муж, нужно сносить с должным терпением. Он и так взял тебя в жены в 25, такую старуху. На тебя бы никто не позарился, а он добрый человек, проявил милосердие. Привёл в свой богатый дом, окружил любовью и заботой.— Этот добрый человек ударил меня кулаком в лицо, — дрожащим голосом говорю я. В памяти Летиции, в теле которой я оказалась, нахожу воспоминание об этом моменте, и меня до сих пор трясёт от того, что эти безумцы считают такое нормальным.— Да что с тобой случилось, неблагодарная? Вздумала дерзить такому большому человеку? Ты же всегда была такой покладистой, такой хорошей, что на тебя нашло в конце концов? Злой дух в тебя вселился, что ли? В точку, дорогая мачеха, и этот злой дух больше не позволит мерзавцу распускать руки!

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	12
5	14
6	17
7	19
8	21
9	23
10	25
11	27
12	29
13	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

1

1

— Подумаешь, слегка наказал... Всё, что делает муж, нужно сносить с должным терпением. Он и так взял тебя в жены в 25, такую старуху. На тебя бы никто не позарился, а он добрый человек, проявил милосердие. Привёл в свой богатый дом, окружил любовью и заботой. Нас, твоих родителей, не побрезговал приютить. А ты взялась характер показывать. Я не так тебя воспитывала...

По щеке мачехи катится одинокая слезинка.

— Этот добрый человек ударил меня кулаком в лицо, — дрожащим голосом говорю я. В памяти Летиции я нахожу воспоминание об этом моменте, и меня до сих пор трясёт от того, что эти безумцы считают такое нормальным.

— Да что с тобой случилось, неблагодарная? Вздумала дерзить такому большому человеку? Ты же всегда была такой покладистой, такой хорошей, что на тебя нашло в конце концов? Бесноватая ты, что ли?

Трогаю синяк на скуле и до сих пор чувствую железный привкус крови во рту, напоминание от мужа о его бесконечной любви и заботе по отношению ко мне. Точнее, не совсем ко мне, а к девушке, в теле которой я оказалась.

Монотонный голос мачехи продолжает бубнить без умолку о том, какая большая удача меня постигла, когда я встретила Альфреда, какой он благодетель и как сильно наша жизнь изменилась благодаря его участию. И как я вдруг стала неблагодарной и отказалась отдать ему побрякушку, серебряный медальон, единственную вещь, оставшуюся в память о моём настоящем отце, точнее, отце Летиции. В памяти этой девушки это единственный момент, когда она решила показать характер и отказалась сделать то, что ей приказали.

Летиция собрала в кулак всю свою крошечную волю и сказала "нет", когда Альфред вытянул руку, чтобы она вложила в неё медальон. Она прижала его к груди и сказала:

— Пожалуйста, не отбирайте. Я сделаю всё, что хотите, только не отбирайте медальон.

— Мужу принадлежит всё, что принадлежит жене. Я считаю до трёх.

На счёт три последовал сильнейший удар кулаком, после которого слабая душа Летиции покинула её тело.

— Будь он проклят, поганый садист, — говорю я, — больше ни дня не останусь в этом доме.

Мачеха испуганно смотрит на меня и прикрывает рот обеими своими руками. Потом затыкает мне рот ладонью и шепчет на ухо:

— Молчи, молчи, Лети, даже думать о таком не смей. Ты что, бесноватая? Хочешь, чтобы тебя отправили к инквизиторам?

Её белый нелепый чепчик сползает ей почти на ухо, но она не замечает этого, по-видимому, до крайности шокированная моими словами.

Отпихиваю её руку и встаю, делаю шаг назад, чтобы она до меня не дотянулась.

— Я ненавижу этого поганого подонка! — говорю я, стараясь сохранить хладнокровие, но это плохо мне удаётся. В этом чужом мире мне бы следовало играть роль маленькой покорной овечки, которой всегда была Летиция, но оправдывать насилие — это уже слишком. Если она не могла постоять за себя, то я терпеть не буду.

Глаза мачехи округляются, и её лицо за секунду из багрово-красного становится белым, как простыня.

— Кого это ты ненавидишь, Летиция? — вдруг слышу я за спиной вкрадчивый голос Альфреда.

— Оставьте нас, дорогая. Я вынужден буду ещё раз проучить вашу дочь, — ласковым голосом говорит мой муж и за локти поднимает мачеху с кровати, на которой она сидит.

Мачеха тут же торопливо убирается из комнаты, согнувшись в нелепом подобострастном поклоне, даже не оглянувшись на меня. Дверь хлопает, и я остаюсь наедине с огромным Альфредом, который преграждает мне путь к возможному бегству.

Он подходит ко мне и хватается за шею своими толстыми пальцами. Кожа на его лица пошла красными пятнами. И я знаю, что это признак крайнего уровня злобы. Летиция не раз видела его в таком состоянии, и это было самым плохим знаком.

— Ты, похоже, плохо понимаешь хорошее обращение, Летиция. Я буду учить тебя до тех пор, пока ты не усвоишь урок.

Чувствую, что мне катастрофически не хватает воздуха. Так я могу снова умереть и теперь уже, кто знает, дадут ли мне еще один шанс? Перед глазами проносится вся моя прошлая жизнь, все короткие тридцать лет, отпущенные мне в прошлой жизни, и жизнь этой юной девушки тоже проносится перед глазами.

А он все давит и давит своими толстыми пальцами, так что из-за темноты в глазах я почти не вижу его оскаленных зубов.

— Будешь еще говорить дерзкие слова? — шипит он, — будешь еще перечить мне?

Все, что я могу, это моргать и пытаться ногтями расцарапать его огромные пальцы, железной хваткой душащие меня.

— Никто не смеет перечить мне, никто, слышишь, девка? Его голос тонет в оглушительном шуме моего собственного сердцебиения.

В последний момент, когда я думаю, что на этом всё, и мой жизненный путь снова окончен, хватка Альфреда ослабевает, и я шумно вдыхаю, корчась и хватаясь за горло. Кашляю, пытаюсь отдышаться, а он держит меня за волосы.

— Покорность, милая моя, — выплёвывает он слова, — вот что мне от тебя нужно. Покорность и служба.

— Хорошо, я поняла, поняла, господин мой, больше не буду, — хриплю я, чувствуя, что если я ещё скажу хоть слово поперёк этому психопату, он уж точно доведёт дело до конца.

— Вот и славно. Вот и умница. Ещё раз я услышу от тебя одно дерзкое слово, ты будешь у меня только ползать на коленях, стирая их до крови о доски пола. Поняла меня, скверная девка? Я не для того брал в жены нищую перезрелую простолюдинку, чтобы терпеть дерзость и хамство! Одно кривое слово, один взгляд, который мне не понравится, и я избавлюсь от тебя.

Из рта его несёт какой-то тухлятиной, в этом мире мало кто слышал о том, что нужно чистить зубы. Всклокоченная борода, растущая клоками, придаёт его одутловатому круглому лицу нелепый вид, который был бы смешон, если бы не опасность его слов. Если бы я не знала, что он приведёт их в исполнение с лёгкостью.

Медальон, который он отобрал у меня, висит на его шее, словно в насмешку.

— Поняла, поняла, — говорю я, отводя взгляд от медальона.

— Целуй мне ноги, — говорит он и, хватая за волосы, опускает меня вниз, к своим сапогам, покрытым уличной грязью. — Покажи, что умеешь служить.

Набираю полную грудь воздуха, глядя на грязные сапоги, и понимаю, что просто не смогу этого сделать. Пусть убивает, пусть делает, что хочет, но целовать его сапоги я не стану.

Поднимаю глаза и готовлюсь выпалить всё, что думаю, хотя бы напоследок поделиться с ним всем, что успело накопиться в моей душе за то недолгое время, что я знаю этого урода.

Время словно застывает в одном мгновении. Тишина такая густая, что, кажется, её можно есть ложками. Сердце бьётся где-то в горле, готовое выпрыгнуть.

И вдруг тишину нарушает резкий срывающийся вопль, доносящийся с улицы.

— Дракон! Прячьтесь, прячьте скот! Летит дракон!

Ясный день вдруг сменяется сумерками, за окном сгущается тёмная пелена туч, заволакивая солнце и чистое небо, словно в ускоренной съёмке.

— Какой ещё дракон? — выдыхаю я, забыв о том, где нахожусь и кто рядом со мной.

И вдруг я вижу какой... Огромный силуэт чёрного дракона, с диким шумом разрывающего воздух исполинскими крыльями.

Чувствую, как Альфред отпускает мои волосы, явно не меньше моего ошеломлённый тем, что видит.

Дикий рёв вдруг пронзает мои уши. Стёкла в окнах начинают дрожать и спустя мгновение рассыпаются на осколки.

— Д-д-дракон, — заикаясь, кричит Альфред, — будь я проклят, тёмный князь-дракон...

2

Два дня назад

— С каких это пор ты делаешь татуировки, милая? — шёпотом спрашивает меня Игорь, целуя в шею. По коже пробегают мурашки, и я прикрываю глаза.

— Какие татуировки? — непонимающе шепчу я в ответ, наслаждаясь прикосновениями его нежных рук.

Две недели в командировке, и вот мой любимый муж, наконец, вернулся. Ждала, считала минуты. Никогда бы не подумала, что любовь может с каждым днём только усиливаться. Три года брака, а я люблю этого человека с каждым днём всё больше и больше.

Три года бесконечной любви.

И три года попыток забеременеть, и вот, наконец, пока его не было, я узнала радостную новость. Мне не терпится сообщить её, но поцелуи, которыми он покрывает мои плечи и шею, не дают мне даже вздохнуть, заставляя растворяться в блаженстве.

Только теперь понимаю, насколько же я соскучилась.

Он спускает рубашку, в которую я всегда куталась, когда его не было. Рубашка с его запахом. Он проводит пальцем по моей обнажённой лопатке.

— Красиво, мне нравится, тебе идёт. Но почему дракон?

— Да о чём ты?

Я разворачиваюсь и пытаюсь рассмотреть свою спину.

— Нет там ничего, — смеюсь я. Уж я бы знала, если бы сделала татуировку. Хватит меня дурить!

— Чем ты тут занималась, пока меня не было? — лукаво улыбается он. — С подружками пошла в разнос? Вот так, стоит отлучиться на недельку, как жена пускается во все тяжкие.

Игорь достаёт телефон и делает фото. А потом показывает мне.

Я смотрю на фотографию собственной спины, на которой красуется небольшой, размером с монету, невероятно искусно вытатуированный дракончик.

Дракончик, которого я точно не делала, и даже не собиралась.

— Кстати, Ань, я привёз тебе подарок, — доносится голос мужа из коридора. А я всё продолжаю смотреть на фото.

И вдруг сверху на телефоне появляется уведомление о сообщении от какой-то Ирины.

— Уже скучаю, зайчик.

И два сердечка.

В ступоре смотрю на телефон. Руки начинают дрожать.

— После тебя у меня всё болит. Но это так сладко!

Ещё одно сообщение.

— Знаешь, чего не хватает?

И ещё одно уведомление от Ирины, на этот раз фотография, но вместо неё я вижу размытое пятно. Слезы льются из глаз, и я не в силах вдохнуть или выдохнуть.

Телефон летит из рук и с громким хрустом приземляется на плитку в кухне, где застал меня муж.

— Эй, котик, ты чего там роняешь?

Мои руки трясутся. Я смотрю в расплывающееся лицо мужа.

— Ирочка по тебе, кажется, уже соскучилась... Зайчик... — бросаю я слова в лицо мужу.

— Чёрт... — говорит он, и я вижу, как его лицо мгновенно становится растерянным и каким-то детским.

Он поднимает с пола свой треснувший во всех местах телефон и бормочет:

— Я всё объясню, ты не так поняла. Это просто...

Судорожно вздыхаю, чувствуя, как меня трясёт всем телом.

— Просто пошлый командировочный романчик? — выплёвываю я слова, не веря в то, что это говорю я. Не веря в то, что это происходит со мной.

Вылетаю из кухни, не слушая его слова. Он что-то быстро-быстро тараторит, пытается схватить меня за руки, но я вырываюсь. Судорожно натягиваю первую попавшуюся одежду и засовываю ноги в кроссовки, ничего не видя, наощупь.

Ни секунды, ни одного мгновения не буду рядом с ним. Он держит меня в коридоре, пытаюсь что-то сказать мне, держит крепко, так что мне становится больно. Но я со всего размаху тыкаю его ключами в грудь, так что от неожиданности он отшатывается, и я успеваю выскочить, а через мгновение уже бегу вниз, к выходу из дома.

Солнце слепит глаза, звуки города обрушиваются на меня, как лавина, а из глаз продолжают течь слёзы, так что я толком даже не вижу, куда иду, сотрясаемая рыданиями.

Лицо парня на электросамокате, несущегося с огромной скоростью по тротуару, я выхватываю в самый последний момент, а следом за этим сразу же чувствую сильнейший удар. Ощущаю, как моё тело рывком дергается и как будто тряпичная кукла падает на землю.

Я слышу отдалённые звуки криков, вижу, как кто-то подбегает к моему изломанному телу, но всё это как будто со стороны. Парень, что ехал на самокате, поднимается с земли и, чертыхаясь, забирается на свой самокат, не обращая внимания на возмущённые крики прохожих.

— Она жива! Сердце ещё бьётся.

Вижу всклокоченного Игоря. С лицом полным боли, он склоняется над моим телом. Он пытается поднять меня, по щекам его текут слёзы, но кто-то оттаскивает его.

— Нельзя трогать, нужно подождать скорую, — говорит кто-то.

Не чувствую ни боли, ни страха, ни горя. Всё, что я ощущаю, — странное тепло в том месте, где появилась загадочная татуировка, и странный шум, как будто огромная птица взмахивает крыльями.

3

Дракон?

Он конечно крайне громкий и чудовищно страшный, а так же, судя по всему, сулит всем тут большие неприятности, однако, похоже, нужно сказать ему спасибо!

Усилив воли заставляю себя собраться. Сейчас у меня есть шанс, пока Альфред потерял внезапным появлением этой чудовищной сказочной твари. Удивляться некогда, нужно действовать.

Не вполне отдавая себе отчет в своих действиях и даже не успев задуматься, я резко вытягиваю руку и срываю медальон с его массивной шеи, пока он закрывает уши руками, оглушенный ревом дракона.

К чему мне сдался этот медальон я не знаю, но хотя бы из уважения к девушке, в чье тело я попала, я чувствую, что должна вырвать его из лап этого мерзавца.

Альфред удивленно смотрит на меня и пытается схватить за руку, но я отбегаю в сторону, босыми ногами ступая по осколкам, осыпавшимся из оконных рам. Чувствую боль, но мне уже все равно, главное вырваться отсюда на свободу.

Уж лучше пусть меня сожрет дракон, чем целовать сапоги этому мерзавцу.

— Стой, дура! — кричит Альфред, когда я забираюсь на подоконник и смотрю вниз.

Не так уж высоко, всего каких-то метра три, не больше. Да и под окном растут какие-то кусты, остается надеяться, что они смягчат мое падение.

Мгновение лечу вниз, а потом все мое тело словно попадает в мясорубку, боль такая адская, что кажется, я сейчас потеряю сознание. То, чего не было видно сверху, теперь стало ясно. Кусты полностью покрыты длинными острыми шипами, и сейчас сотни этих шипов врезаются в мое тело, раздирают мое платье и покрывае.

От боли я хватаю ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Смотрю вверх, где в окне виднеется ошеломленной бледное лицо моего муженька с открытым ртом.

— Прячься, идиотка, прячься! — Он хватается за лицо и оно исчезает в глубине комнаты. Я кое как вылезаю из кустов, едва не крича от жалящих меня острых шипов, но несмотря на боль, я чувствую подлинное торжество, зажимая руке медальон, как подтверждение моего подвига.

Поднимаю взгляд вверх и вижу, как огромный черный дракон взмахивает крыльями и летит все выше, в самые свинцовые тучи, словно желая раствориться в них.

Теперь я знаю про этот мир чуть больше. В нем есть драконы. А если есть драконы, значит должны же быть и бесстрашные рыцари? Благородные принцы и все такое?

С неба в один из амбаров бьет ослепительная молния, врезаясь в громоотвод. Грохот стоит такой, что кажется земля сейчас расколется надвое.

И словно по команде дождь начинает лить с неба с такой яростной силой, будто ненавидит всю землю и хочет ее утопить.

Я остальзываюсь на мокрой траве и бегу к какому-то амбару вдали от особняка, пока есть возможность и никто из слуг Альфреда не обращает внимания. И вдруг в небе снова появляется дракон, он разрывает тучи и сквозь них прорывается яркий луч ослепительного солнца, который бьет мне прямо в лицо.

На мгновение я останавливаюсь, словно замороженная, не в силах оторвать взгляда от невероятно завораживающего зрелища.

Лучи солнца играют искристыми бликами на струях дождя и на глянцевой сверкающей черной чешуе дракона, время словно бы останавливается, давая мне насладиться этой прекрасной и одновременно пугающей картиной.

В следующую секунду небо снова заволакивает и я слышу сквозь грозу и дождь взмахи огромных крыльев и тот самый оглушительный рев, пробирающий до самых костей.

Дракон приближается и изрыгает из пасти ослепительный столб огня, в одно мгновения сжигая до тла постройку, к которой я бежала, чтобы укрыться.

Хорошо, что не успела добежать.

Чудовище приземляется, взрывая огромными когтями землю, и хватает лапами брыкающуюся корову обезумевшую от страха, а потом заглатывает ее полностью.

Дальше я уже не смотрю. Падаю в высокую мокрую траву и закрываю голову руками.

Это какой-то дурной сон. Все это не по настоящему. Этого не может быть.

Я шепчу про себя непонятные слова, то ли молитву, то ли мантру, пытаюсь забыть то, что только что видела, пытаюсь представить, что меня здесь нет.

— Пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет сном, пусть я проснусь и все будет хорошо.

Я не знаю, сколько лежу так. Но дождь постепенно стихает, из оглушительного ливня превращаясь в обычный, теплый летний дождь.

Вздрагиваю, слыша рядом с собой шаги. Кто-то идет по траве, и кажется, идет в мою сторону.

Едва не издаю громкий стон от досады.

Не успела. Был такой хороший шанс, а я не успела удрать.

— Кто это у нас тут? — слышу я низкий, бархатный мужской голос. Это не голос Алфреда, и точно не голос кого-то из его слуг.

Поднимаю лицо и убираю мокрые пряди, чтобы разглядеть незнакомца.

Высокий широкоплечий мужчина с пронзительным взглядом голубых глаз медленно идет в мою сторону. Жесткая мокрая трава хлещет по его ногам. Длинные темные волосы ниспадают на плечи.

Подойдя ближе мужчина склоняется надо мной и смотрит с усмешкой и любопытством. Он протягивает мне свою мускулистую руку, с отчетливо виднеющимися реками вен.

— Дай руку, малышка, нечего лежать в грязи.

— Там дракон. Огромный, черный дракон, — шепчу я дрожащим голосом. — Он улетел?

— Не бойся, девочка, дракон не причинит тебе вреда, — говорит он и странно ухмыляется.

— Так вы что же, прекрасный принц, получается?

— Принц? — он удивленно поднимает бровь, а потом пожимает плечами, — Можешь называть меня и так.

4

Бдительность, убаюканная его бархатным голосом и приветливой полуулыбкой, совершенно исчезает, и я протягиваю руку, чтобы он помог мне подняться. Кем бы он ни был, он пока единственный мужчина в этом мире, кто не начал знакомство с избиения.

Я встречаюсь взглядом с его пронзительными голубыми глазами и не могу оторваться. Мне кажется, что в них я вижу отражение бесконечно глубокого моря и бескрайнего неба. Так, наверное, кролик смотрит на удава. На очень красивого удава.

— Обижают тебя тут? — спрашивает он, снимая один из застрявших в платье шипов, а потом чуткими пальцами трогает синяк на моей скуле.

— Обижают... — говорю я, чувствуя себя маленькой девочкой, дрожа, когда он касается меня пальцами. То ли от холода, то ли от чего-то ещё, в чём себе не признаюсь.

— А тот, кто тебя обижает, разве не знает, кто ты такая?

— Не знает... — то ли утвердительно, то ли вопросительно бормочу я, совершенно растерянная.

— И про то, что ты принадлежишь дракону, он тоже не знает?

— Что?

— Тем лучше. Пусть и дальше пребывает в неведении.

— О чем вы говорите?

Не отвечая мне, он резко разворачивает меня и натягивает край платья на спине, обнажая её. Я не успеваю вскрикнуть, как он касается моего плеча пальцем, и по всему моему телу пробегает волна невероятного тепла и наслаждения, так что ноги начинают дрожать, и я чувствую, что они перестают слушаться меня, и я падаю.

Но незнакомец подхватывает и держит меня мощными руками, и мне кажется, что я лечу. Время вокруг словно бы останавливается: ветер перестаёт терзать кроны деревьев, птицы застывают в полёте, и всё, кажется, сосредотачивается в этом мгновении. Оглушительно прекрасном и полном такого счастья, что ничего подобного я в жизни не испытывала.

Что он со мной сделал?

— Никто не смеет портить мою собственность, — слышу я его низкий голос, который заполняет меня всю без остатка.

Он обнимает меня руками, прижимая к себе, и говорит на ухо. Я чувствую вибрацию его голоса всем телом, ощущая рельеф его мышц там, где его тело касается меня:

— Когда я вернусь, я хочу, чтобы ты взяла поместье в свои руки, а слизняк, что обижает тебя, ползал у твоих ног. Это будет твое испытание. Слабые слуги мне не нужны. Поняла меня? И не смей убегать, я хочу найти тебя здесь, когда вернусь.

— Но как я это сделаю?

— Теперь у тебя куда больше сил, чем ты думаешь. Метка поможет тебе. Но не смей никому говорить обо мне. Надеюсь, ты всё поняла.

— Я ничего не поняла, — выдыхаю я, растворяясь в блаженстве, вызванном его странным голосом, его объятиями и счастьем, волнами разливающимся по моему телу от его прикосновения к моей лопатке, — кто вы? Что вы сделали?

Проходит одно мгновение, потом другое. Голова моя начинает кружиться, и мне кажется, что я стала совершенно невесомой. Кажется, что мир вокруг перестал иметь плотность, а все вещи, включая меня саму, полностью утратили вес.

Ожидая ответа, я с огорчением осознаю, что уже не чувствую незнакомца рядом. Не чувствую его рук.

Чувство тепла и полной защиты, что обволакивало меня, постепенно уходит, словно растворяясь в окружающем мире, возвращая ему краски, вес и твёрдость.

Оборачиваюсь, чтобы снова заглянуть незнакомцу в глаза, но его нет. Вижу лишь догорающий амбар и бегущих туда-сюда слуг, пытающихся затушить огонь. Дождь больше не льёт, и солнце выходит из-за туч, а я просто стою и смотрю, как будто мной овладело оцепенение.

Из оцепенения меня выводит резкий голос Альфреда:

— Вот ты где! Скверная тварь!

Чувствую, как меня больно хватают за руку и дёргают.

— Пока мы рискуем жизнями, защищая поместье от дракона, ты решила осрамить своего хозяина?

Звук пощёчины я слышу раньше, чем успеваю осознать боль от неё. Но боль приводит меня в чувства.

Время снова начинает двигаться вперёд с нормальной скоростью. Вижу ненавистное лицо Альфреда, а за его спиной стыдливо прячущих глаза слуг.

— Больше ты меня не ударишь, — говорю я ему таким уверенным голосом, что на мгновение он останавливает свою гневную тираду и чуть приоткрывает рот.

— Что ты сказала, мерзавка? — сквозь зубы шипит Альфред. — Да я тебя сейчас...

Альфред заносит кулак.

Я закрываю глаза и внутренне съеживаюсь, но заставляю себя прокручивать слова незнакомца, которые до сих пор гудят у меня в голове, словно колокол, полностью лишая меня чувства самосохранения.

«Никто не смеет портить мою собственность»

Не то, чтобы я хотела быть чьей-то собственностью. Но слова эти звучали так убедительно, что я совершенно уверовала в их справедливость, как в то, что дважды два будет четыре.

Вместо удара, к которому я готовилась, я вдруг чувствую сильное жжение в том месте на лопатке, где коснулся меня незнакомец, а сразу следом слышу вскрик Альфреда и распахиваю глаза.

Мой драчливый мужёнок хватается за лицо и пытается остановить кровь, обильно хлещущую у него из носа.

Это что сейчас произошло?

5

Альфред, прижимая руку к носу, отступает назад. Его глаза полны злобы и недоумения. Я стою, словно в трансе, не понимая, что происходит. Слуги вокруг замерли, не осмеливаясь вмешаться.

— Господин, что с вами? — подскакивает к Альфреду смуглый пожилой слуга по имени Джейкоб. Он резво выдергивает из кармана накрахмаленный белоснежный платок и услужливо протягивает хозяину.

— Кровь носом пошла, — бормочет Альфред. — Поганый дракон, из-за него я перенервничал.

Альфред бросает на меня странный взгляд, прижимая платок, постепенно пропитывающийся красным.

— Отведите жену домой, — бросает он и, отвернувшись, спотыкаясь и пошатываясь, бредет прочь, словно пьяный.

— Может, хочешь забрать медальон, муж мой? — кричу я ему вслед, чувствуя невероятный прилив сил и восторга. — Вот он. Ты же так его хотел!

Альфред оглядывается. Его глаза полны злобы, и я вижу, как в них полопались сосуды. Но он не отваживается ничего говорить при слугах. Он точно понял, что произошло, каким-то образом удар, который он нанес мне, достался ему самому. Но здоровяк предпочел сделать вид на людях, что у него пошла носом кровь.

— Оставь себе, Летиция, мне он без надобности.

По его взгляду я вижу, что пожалею о своей выходке позже, но сейчас я чувствую подлинное торжество, глядя в удаляющуюся спину мужа. Он отыгрался. Я еще не знаю как, но подлец что-то уже обдумывает. По его глазам это было видно. И мне нужно быть очень внимательной.

Чувствую, как меня касается чья-то рука.

— Простите, вас велено отвести в дом.

— А хватать меня тоже велено? — спрашиваю я, все еще чувствуя волну куража, которая так меня и не покинула полностью.

Похоже, мой взгляд оказался очень красноречивым, и любимый слуга Альфреда предпочел за лучшее разжать пальцы и ограничиться жестом, приглашающим пойти за ним следом.

— Давайте, мы вас отведем, тут небезопасно, — говорит он, пряча от меня глаза.

Небезопасно, конечно, в доме мужа мне было очень безопасно. Этот хмырь прекрасно знает о привычках Альфреда. Но делает вид, что все тут пекется о моем благополучии.

Когда остаюсь одна в своей комнате, стягиваю с себя изодранное платье и с удивлением отмечаю, что на моем теле не осталось никаких следов от сотен шипов кустарника, в который я упала. Ни царапинки, кожа совершенно чистая и здоровая, как будто даже светится изнутри, словно я сходила на какие-то невероятно оздоравливающие процедуры.

Поворачиваюсь спиной и смотрю в зеркало на свою спину, и тут впервые замечаю татуировку. Точно такую же, какая появилась на мне еще в моем мире, до моей смерти. Она на том же самом месте и выглядит точно так же. Именно к этому месту прикоснулся незнакомец, заставив меня улететь на седьмое небо от странного укутывающего блаженства.

Теперь его слова обретают новый смысл. Метка. Вот что это такое. Так отмечают коров, чтобы понять, кому они принадлежат. Но есть не такое приятное слово для этого. Клеймо. Меня заклеили еще в моем старом мире, и я оказалась в этом с точно такой же меткой.

Что если это как-то связано? Что если я попала именно сюда из-за нее?

Голова идет кругом от этих безумных мыслей. Какой-то мужик меня заклеил и назвал своей собственностью, да еще и задание дал. Да чего он о себе возомнил?

Стискиваю кулаки от досады, глядя на свое отражение. Впервые у меня появляется возможность как следует себя разглядеть. На лице больше нет синяка, который оставил Альфред, так что я вижу в отражении пышущую здоровьем юную девушку с очень красивым и женственным лицом.

Густые светлые волосы не испортила даже беготня под проливным дождем. Нужно признаться, что тело, в которое я попала, весьма, если можно так сказать, качественное, да простит меня Летиция, где бы ни была теперь ее душа, за такое потребительское отношение. Остается только надеяться, что она попала в какой-нибудь другой мир, где по небу не летают драконы, а женщин не считают собственностью, которая хуже коровы. Коров хотя бы не избивают почем зря.

— Летиция! Открой немедленно! — слышу я голос мачехи из-за двери. — Ты что натворила, скверная девчонка?

Быстро надеваю домашнее платье, готовясь выпалить все, что я думаю в лицо этой мерзкой тетке. Но пока я одеваюсь, она сама умудряется отпереть дверь. А я-то, наивная, думала, что если я заперлась, то это надежно. Ну конечно, держи карман шире.

Едва увидев меня, она делает страшные глаза и тут же оказывается рядом. Стиснув меня за плечи руками, она начинает трясти меня, заливаясь слезами.

— Неблагодарная. Бессовестное чудовище, не такую дочь я растила! Не такого итога я ждала! Мне сказали, что ты выпрыгнула в окно, словно какая-то бродячая кошка, сказали, что убежала от мужа и подвергла его жизнь опасности. Он едва не угодил в лапы дракону, пытаясь спасти тебя и только чудо уберегло... Из уважения к твоему покойному отцу я всегда старалась сделать для тебя все, сделать тебя воспитанной, хорошей женой и матерью, вложить в тебя всю любовь, которой во мне, видят боги, неисчерпаемое количество. Но тебе все ни по чем, ты предала меня, предала память своего отца и предала все непосильные труды...

Я чувствую, что еще один рывок, и шея у меня отвалится. Похоже, о личном пространстве тут ничего не слышали. Что же, придется что-то с этим делать.

От ее тряски и монотонных причитаний в голове начинает гудеть. Знаю я, о каких трудах она твердит. Память Летиции услужливо подбрасывает мне все случаи, когда ее подвергали бесконечным унижениям, наказаниям и заставляли работать без отдыха, занимаясь шитьем, пока она не падала в изнеможении. А мачеха со своим мужем, тем временем, распивали чай и обсуждали то, какая она неблагодарная бессовестная девчонка, и какие они благодетели, что не выбросили ее на улицу, как сделала бы любая другая, не такая сердобольная семья на их месте.

Ну сейчас я тебе все выскажу.

Чувствую, как внутри начинает нарастать праведный гнев, который требует выхода.

6

— Сейчас же перестань меня трясти! — говорю я и с силой сбрасываю с себя ее руки. Непонятно, почему мне не пришло в голову сделать это раньше.

Она удивленно глядит, очевидно ошеломленная моей наглостью. Она-то ожидала, что я сейчас же упаду на колени и начну молить о прощении, целуя ее руки. Но что-то пошло не так.

— Я не узнаю тебя, Летиция.

— Вот и славно. Можешь выйти и закрыть дверь с другой стороны.

— Хорошо, что твоего отца нет здесь и он не слышит эти слова, — с горечью говорит она, заламывая руки.

— Если бы мой отец был жив, я бы не оказалась в этом ужасном доме.

Летиция хоть и была наивной девочкой, которая принимала практически все, что с ней происходит, как подлинный носитель философии стоицизма, но кое-что от ее сознания все же не утаилось. Она слышала разговоры, тут и там до нее доходили обрывки фраз, и в конце концов она кое в чем разобралась. Хотя из этих обрывков я сумела сложить всю картину куда более точно. Девочка, если бы понимала, как ее используют на самом деле, давно бы уже взбунтовалась.

Хотя нет... Летиция бы не взбунтовалась, она бы продолжала все терпеть и нашла бы способ уговорить себя, что так надо и таков ее жребий в жизни. Мне делается страшно от того, насколько человеку можно запудрить мозги, превратив его в покорный чужой воле инструмент.

Становится так жалко бедняжку, что я отчетливо скрежещу зубами, глядя на зареванное лицо мачехи. Льет слезы. Думает, что оскорблена до глубины души. Да если бы ей дать хотя бы малую долю тех несчастий, что пережила бедная Летиция, она бы ползала на коленях, умоляя о прощении.

— Твои притворные слезы меня не трогают, ясно тебе? — цежу я сквозь зубы. — Можешь оставить их для своего мужа, когда вы в очередной раз будете обсуждать то, насколько паршивая овца вам досталась в услужение.

— Что?

— Что ты слышала, Глория.

— Я... Да ты... Да как ты смеешь?

Она воздевает руки к небу, словно прося у местных богов заступничества, и раздражается какой-то совершенно лишенной смысла тирадой. Ее лицо, и без того не слишком красивое, становится красным с зеленоватым оттенком, отчего оно становится совсем уж безобразным.

— Ты бесноватая!

Она делает какие-то странные пассы руками, как будто набирает щепотку невидимой соли и кидает в меня. Она проделывает это снова и снова с таким энтузиазмом, как будто это действительно должно изгнать из меня злых духов.

— Что ты делаешь?

— Изыди, злая сила, изыди! — словно в каком-то экстазе восклицает она. — Да помогут нам боги, да очистят они душу бедняжки.

— Хватит!

— Тебе станет легче, ты почувствуешь, дыши ровно Лети, я все сделаю. Сядь, сядь на кровать.

Я пожимаю плечами и сажусь, с улыбкой глядя на то, как она продолжает швырять в меня что-то, что видно только ей, и ее богам, кем бы они ни были.

Я со скучающим видом рассматриваю свои ногти и нахожу, что не мешало бы сделать маникюр. И только в следующую минуту осознаю, что тут вряд ли вообще слышали такие слова.

Если я тут останусь, нужно будет с этим что-то сделать.

Но в конце концов, бормотание мачехи и ее пассы руками начинают меня изрядно утомлять. Одно дело пару раз, это еще можно вытерпеть, но когда это длится уже пять минут, у любого нормального человека лопнет терпение.

— Да прекрати ты! — говорю я наконец. — Не видишь, не работает твоя методика изгнания злых духов.

— Сработатет! — упрямо отвечает она.

По лицу Глории струится пот, она так сосредоточена, что кажется, действительно верит, что сможет изгнать злого духа.

— Знаешь почему не работает?

— Ничего не знаю и знать не хочу. Молчи, Лети, ты мешаешь мне.

— Не сработает, потому что нет никакого злого духа.

— Есть! Лети, злой дух есть и он терзает твою душу, делает из тебя чудовище. Открой душу, открой сердце и мы вместе изгоним его.

С изумлением вижу, как она падает передо мной на колени и умоляюще смотрит мне в глаза.

— Девочка моя, будь солнышком, произноси слова вместе со мной, мы пройдем через это вместе. Если ты не захочешь, ничего не получится.

Я вырываю руки из ее потных ладоней и пытаюсь оттолкнуть ее.

— Это уже слишком, не буду я ничего говорить. Оставь меня в покое.

— Ты должна стать такой, как была прежде. Такой же милой и славной Лети, которую все так любят. Просто повторяй за мной.

Я закатываю глаза, не зная, как избавиться от этой сумасшедшей тетки. Если из кого и надо изгонять духов, так это из нее. Духов назойливости.

— Если я скажу, чего ты там хочешь, ты отстанешь от меня и дашь мне побыть наедине? — Наконец говорю я, вдруг осознав, что иначе мне от нее не отделаться.

— Да! Только скажи! Повторяй за мной, деточка, и все будет славно.

— Она бормочет одно предложение, и я пытаюсь повторить его, как слышу. За ним она говорит еще одно и я повторяю.

На третьем предложении я начинаю чувствовать странную дрожь во всем теле.

И эта дрожь мне совсем не нравится. Мои губы перестают меня слушаться и голова вдруг начинает нестерпимо кружиться.

— ВОт, вот, умница, девочка моя, получается! Злой дух ослабевает!

Она трожествующе улыбается.

— Дальше, дальше, милая, повторяй, не мешкай.

7

— Эээ, — протягиваю я, словно сквозь сон. — Подожди-ка.

— Говори, говори, милая, не останавливайся, только не останавливайся.

Мотаю головой, прогоняя то, что насылает на меня мачеха. По спине пробегает целый табун отвратительно резвых мурашек и замирает где-то в пятках, вместе с моей душой.

Так дело не пойдет. Это что же получается? Тут есть драконы, мужики, которые клеймят людей почем зря, да еще и эта совершенно неприметная с виду тетка владеет какой-то магией?

— Повторяй, повторяй, — шепчет она, пока я судорожно пытаюсь привести кружащийся надо мной потолок в какое-то более или менее стабильное положение. Дается мне это с трудом, но все же постепенно кружение и морок начинают отступать.

— Это что же вы делаете, тетенька? — спрашиваю я, уже немного приходя в себя. — Вздумали использовать магию?

Она застывает, вдруг прекратив бормотать, и с испугом смотрит на меня.

— Никакой магии, деточка, ровно никакой магии, только разрешенные инквизицией заговоры.

Ну да, конечно, разрешенные. Летиция может быть и овечка, и круглая дуручка, но даже она в курсе, что никаких разрешенных заговоров не бывает и простые люди без соответствующего разрешения не имеют права пользоваться чарами.

Любыми чарами, и особенно такими.

— А ну-ка перестань, Глория, — строго говорю я, чувствуя, что изрядная доля сил и решимости вернулась ко мне.

Надо же, чуть не подловила меня. Страшно подумать, что бы было, если бы я продолжила за ней повторять. Меня бы вытолкнуло из этого тела и я бы улетела в другой мир? Или я умерла бы окончательно?

Липкий страх проникает куда-то в затылок и растекается по сознанию. Прошлась по самому краю.

С этой теткой нужно держать ухо востро. Она явно скрывает куда больше сюрпризов, чем можно представить.

Перехватываю ее руку, когда она в очередной раз пытается посыпать меня невидимой солью, или чего она там воображает, и мне сразу же становится легче.

— Ай, — вскрикивает она.

— Я тебе покажу "ай". Прекращай ворожить, иначе я за себя не ручаюсь, поняла?

— Изыди, злой дух! — верещит она так, словно ее режут, хотя я точно знаю, что боли ей не причиняю.

— Правильно, кричи громче, чтобы все сюда сбежались, — говорю я, глядя в ее хитрые глазки. — Отличные будут свидетели того, что ты творишь. И когда сюда прибудет какой-нибудь заезжий инквизитор, он будет очень рад узнать, что тут пользуются неучтенной магией. И я подозреваю, что после визита летающего дракона тут скоро будет целая толпа служителей.

— Ты никому не скажешь, Лети. Ты же моя воспитанница, я же вскормила тебя вот этими руками. Я же холила тебя и лелеяла, а ты... Да что с тобой?

Все же мои слова явно на нее подействовали. Это надо запомнить.

Я начинаю толкать мачеху к выходу.

— Давай-ка мы с тобой определим, как будет проходить наше общение, — говорю я. — Ты не будешь врваться в мою комнату и пытаться меня зомбировать, а я сделаю вид, что ничего не было и ты не пыталась вытянуть из меня душу этими бормотаниями.

— Зомби... Что? — спрашивает она, услышав незнакомое слово.

Ну слава богу, хотя бы про зомби в этом безумном мире не слышали, можно немного расслабиться и выдохнуть с облегчением.

— Не важно, — бросаю я. — Главное, чтобы ты перестала орать и ворожить и дала мне отдохнуть, у меня от всего этого начинается мигрень.

— Я знаю заговор от мигрени! — загораются у нее глазки.

Похоже, она вообще меня не слушает или делает вид.

— Хочешь, я сделаю заговор и пройдет боль? — заговорщицки шепчет она, хватая меня за руки.

— Ну конечно! Разумеется, давай, начинай бормотать! — говорю я с сарказмом и закатываю глаза.

— Вот и славно. Отличный маленький секрет, маленький заговорчик, ничего тут такого нет, — начинает она хлопотать как ни в чем не бывало. Слюнявит палец и принимается чего-то чертить им в воздухе.

— Хватит! — не выдерживаю я. — Никаких заговорчиков, никаких бормотаний, иди отсюда и не дергай меня. Если ты мне будешь нужна, я позову.

Я, наконец, выталкиваю ее из комнаты, захлопываю дверь у Глории перед носом, и прижимаюсь спиной к двери.

Вот ведь какая липкая тетка, настырная, как стадо носорогов.

— Лети, — слышу я стук в дверь с той стороны. — Мы изгоним из тебя дух! Я буду молиться за тебя всю ночь, коленки в кровь раздеру, на камнях буду стоять, но вымолю твое излечение.

— Пожалей себя, Глория, иди чаю попей или позвони подружкам, а от меня отстань!

— Чего сделать подружкам?

Прикусываю язык.

Надо поменьше болтать, надо держать себя в руках. Надо играть роль Лети, а то, чего доброго, они и вздумают натравить на меня этих инквизиторов, хоть я и слабо представляю себе, кто они такие. Скучные познания Лети в этой области мало что проясняют. Достаточно уже и того, что одно упоминание о них заставило мачеху испугаться.

— Посплетничай, — нахожусь я, — с подружками, расскажи им, какая у тебя неблагодарная падчерица.

Я почти чувствую, как она мотает головой и горестно картинным жестом всплескивает руками.

— Я поговорю с твоим мужем, Лети, вместе мы пройдем через это.

Его еще тут не хватало...

Проворачиваю ключ в двери и изо всех оставшихся сил задвигаю тяжеленный комод так, чтобы нельзя было ворваться в мою комнату без труда.

Проходной двор.

Пусть хотя бы помучаются, чтобы сюда зайти в следующий раз.

— Прошу меня не беспокоить! — кричу я через дверь.

А потом падаю в кровать и погружаюсь в воспоминания Летиции. Мне нужно знать о ней как можно больше, чтобы они перестали называть меня бесноватой. Мне нужно играть ее лучше. Первое, что мне теперь нужно, это втереться в их доверие, раз уж отсюда мне некуда деваться.

8

Пока копаюсь в её горестных воспоминаниях, переполненных предельным количеством постоянных пинков, упрёков и придириков, меня начинает слегка потряхивать.

До 12 лет Летиция спокойно жила с отцом, который души в ней не чаял. Он был ловким ремесленником и изготавливал удивительной красоты предметы мебели, которые сбывал где-то в столице. Зажиточные горожане считали за честь получить какой-нибудь резной стул или изящный стол от мастера Рингольда.

Мать Летиции умерла ещё при родах, и долгие годы Мартин Рингольд жил одиноким человеком, воспитывая дочку и вкладывая в неё столько же любви, сколько в свои изделия из дерева.

Он желал ей только лучшего, но его мягкость в воспитании и желание оградить маленькую Лети от всего плохого в этой жизни привели к тому, что она оказалась совершенно неготовой столкнуться с настоящим миром, где бывает не только добро, любовь и тёплое семейное отношение, но и люди, для которых нет такой подлости, на которую они бы не пошли, чтобы заполнить чужое добро.

И, судя по всему, Глория была как раз из таких.

Когда отец Летиции привёл в дом Глорию, жизнь Лети постепенно начала рушиться: сначала с самых краев, потом всё ближе к основе её жизни, к её отцу. В какой-то момент Летиция не успела опомниться, как его не стало.

Бросая грязные комья земли на его гроб, она не могла понять, как возможно, что её отец жил, а теперь не живёт. Она думала об этом всё время, замкнувшись в себе, совершенно перестав на какое-то время воспринимать окружающую реальность.

Но реальность не заставила себя долго ждать и обрушилась на Летицию в виде мачехи. Которая, не успела земля остыть на могиле Мартина Рингольда, сразу же вышла замуж за своего брата.

Точнее, она сказала Мартину, что это её брат. На самом же деле это был её любовник, который просто жил рядом, пока Мартин ещё был жив, и оба они водили Мартина за нос, делая вид, что они брат и сестра.

Перед смертью Мартин взял с неё обещание позаботиться о девочке, а взамен завещал всё своё имущество, рассудив, к сожалению, совершенно несправедливо, что Глория обойдётся с Летицией по-доброму.

При одном воспоминании о лучезарных глазах её отца в сердце моём раскрывается любовь Летиции и призрак её горя, которое она испытала, когда её отец покинул этот мир и несл с собой все эти годы, прошедшие со дня его смерти.

Она хранила воспоминания о нём, как драгоценности, эти воспоминания сияют в её сознании так ярко, словно сделаны из чистейшего золота. Только эти воспоминания и вера, вера её отца в то, что мир на самом деле добр, и если ты будешь относиться ко всем с добром, то мир оплатит тебе, держали бедняжку на плаву все эти годы.

Она придумала для себя, что всё, что происходило с ней все эти годы после смерти отца — это испытание. Испытание, которое она, Летиция, должна пройти с честью, чтобы встретиться с отцом там, на небе, откуда он, конечно же, постоянно за ней присматривает, придавая ей сил.

Когда отец её умер, Глория сразу же распродала все вещи.

Летиция со слезами на глазах смотрела, как Глория распродаёт за гроши бесценные инструменты, которые её отец собирал по всему свету долгие годы. Она видела, как Глория выбрасывает всё, что казалось ей не имеющим ценности, и бесконечно тратит сбережённые отцовские деньги на безвкусовые наряды и предметы роскоши для своего любовника.

Поняв, что Глория выбросит или продаст всё, что было дорого её отцу, Летиция решилась на удивительно смелый для своей робкой души шаг. Она спрятала самые любимые и ценные отцовские книги, инструменты и вещи, соорудив импровизированный тайник под половицами хозяйственной части дома. Она потратила на это уйму времени, потому что могла работать лишь в ночные часы, когда Глория и её любовник Люсьен спали без задних ног, отдыхая от безделья.

Больше всего она боялась, что они услышат стук молотка и скрежет пилы по дереву. После каждого движения девочка оглядывалась по сторонам, прислушиваясь, не идёт ли кто.

Чтобы сделать ящик, который будет выдвигаться из пола, если нажать на определённом месте на половице, у Летиции ушли все её знания, которыми делился с ней отец, и целый месяц бессонных ночей.

Но когда тайник был готов, она была самой счастливой девочкой на свете, зная, что отец её гордился бы пусть и неумелой, пусть и кривоватой, но её первой серьёзной работой.

Она бережно сложила вещи в тайник, целуя каждую в память об отце, и загнала воспоминания о нём в самый дальний ящик. Где я их и нашла.

Я чувствую, что есть что-то ещё, что-то очень важное, но память Летиции словно не хочет делиться этим даже с нею самой. Слова отца, сказанные ей незадолго до его смерти. Слова, которые она предпочла забыть.

Пытаясь вспомнить их, я не замечаю, как постепенно погружаюсь в тревожный сон.

дорогие читатели, очень рада, что вам нравится моя книга. Спасибо вам за вашу активность и поддержку. Добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не пропустить продолжение и не стесняйтесь оставлять комментарии, с большим удовольствием читаю все!

9

Просыпаюсь от того, что кто-то изо всех сил долбит в дверь, пытаюсь выломать её. За окном тёмная ночь и почти ничего не видно. В первую минуту я не понимаю, где нахожусь, и мне кажется, что я в своей квартире в Москве.

— Игорь? — говорю я в темноту, машинально пытаюсь позвать мужа. И тут всё вспоминаю. Я вовсе не дома. И даже вовсе не в своём мире, и никакого Игоря тут нет. Воспоминания обо всём произошедшем со мной сразу обрушиваются на меня, сдавливая сердце.

В дверь продолжают долбить с неистовой силой. Я слышу громкое злобное пыхтение, и мне становится по-настоящему страшно. Оказывается, незаметно для себя я успела уснуть, убаюканная воспоминаниями Летиции. А теперь кто-то вспомнил обо мне. Не нужно долго гадать, кто этот кто-то.

— Открой немедленно, — ревёт Альфред. — Если ослушаешься, можешь пенять на себя. Я твой муж и требую открыть!

— Я не желаю тебя видеть! — кричу я через дверь, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно тверже. Стараясь, чтобы в нём не было слышно страха. Ещё не хватало, чтобы он врвался сюда. Ну уж нет.

С содроганием вспоминаю, как он приходил к Летиции по ночам, вот как раз по таким тёмным и страшным ночам. Проникал к ней в постель и требовал, а точнее брал то, что хотел. Она чуть ли не каждый день терпела его огромную тушу на себе, пытаюсь изо всех сил внушить себе мысли о том, что именно так и нужно, что она должна терпеть, и боль, которую она всякий раз испытывала, — это то, что и должно быть.

Тот мужчина сказал не убегать, он сказал это твёрдо и ещё сказал, что я куда сильнее, чем мне кажется. Но что он может знать? Откуда у меня возьмутся силы? Конечно, сработала какая-то странная защита от отметины, что он на мне поставил, когда Альфред решил меня ударить, но сработает ли она снова? И что будет, если он не будет меня бить, а решит просто надругаться?

Неизвестно, что будет. Ну почему этот человек не мог объяснить мне всё как следует? Надо было удирать отсюда. Бежать куда-нибудь в лес, питаясь подножным кормом и ночуя на деревьях. Не такая плохая жизнь. Там наверняка есть какие-нибудь ягоды, грибы... Да что угодно лучше, чем терпеть рядом Альфреда!

Распахиваю окна и смотрю вниз. И тут же встречаюсь с глазами слуги Альфреда, который держит в одной руке факел, а в другой — большого чёрного пса на цепи. За его спиной стоит несколько мужиков, и они явно ждут, что я могу снова улизнуть через окно. Проклятый Альфред.

— Не советуем вам прыгать. Мы срезали кусты, и, скорее всего, вы переломаете ноги! — добродушно кричит слуга и награждает меня улыбкой. — Вам запрещено покидать покои — ни через окно, ни через двери.

Наконец я слышу хруст ломаемого дерева. Оборачиваюсь и вижу, что Альфред проломил кусок двери и тянет руку, чтобы достать из замка ключ, который я там оставила.

Ах ты сволочь!

— Проваливай! — кричу я изо всех сил. — Я не желаю тебя видеть!

Он убирает руку, и я вижу в проломе его покрасневшее лицо, освещённое лампами из коридора.

— Лучше открывай по-хорошему, пока не поздно, девочка, — его голос становится ележным и сладким. — Я не причиню тебе никакого вреда. Я же твой муж. Я пришёл провести тебя, как положено мужу, и исполнить свой супружеский долг. Ведь ты не станешь спорить, что это необходимо?

Я судорожно оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти хоть что-то, чем можно будет огреть его, когда он наконец прорвётся внутрь, а в этом у меня нет никаких сомнений.

Надо же было быть такой душой. Не убежать, когда была возможность, да ещё и завалиться спать, в то время когда надо было действовать. Как действовать и что делать, я совершенно не знаю, но уверена, что надо было предпринять хоть что-то.

Но теперь уже думать об этом бесполезно.

— Не хочешь по-хорошему, Летиция, тогда будет по-плохому.

Он делает резкий рывок, и комод, которым я перегородила путь, почти разлетается на части. Альфред вваливается в комнату в сопровождении мачехи и её мужа.

— Простите, голубчик, простите, что она так себя ведёт. Я клянусь вам, на ней какая-то порча. Она не виновата, в ней говорит какой-то злой дух.

— Разберёмся, что за дух, — говорит Альфред, в два мощных шага приближаясь ко мне.

Он хватает меня за руку и, чуть не выдергивая её из сустава, бросает на кровать.

— Все вон отсюда! — рычит он. И Глория, чтобы не попасть под горячую руку, тут же пятится назад, оставляя яркую масляную лампу на полу. Свет, исходящий снизу, делает вид Альфреда ещё более зловещим.

— Только попробуй пальцем меня тронуть! — угрожающе говорю я, прижимаясь к стене.

Альфред начинает расстёгивать рубашку, а затем принимается за свои штаны.

«У тебя гораздо больше сил, чем ты думаешь, метка поможет тебе», — звучат в голове слова незнакомца, прокручиваясь снова и снова.

Когда полуголый Альфред пытается схватить меня, я резко дергаюсь, отпрыгиваю в сторону и бегу к выходу. Но он успевает схватить меня двумя руками и притянуть к себе. От него пахнет потом и неистовой злобой. Он приближает своё лицо близко-близко к моему и рычит.

— Жена, что отказывает мужу, совершает преступление и может быть наказана высшей мерой наказания перед людьми и богами. Завтра сюда придут служители инквизиции, и я расскажу им всё. Как думаешь, что они с тобой сделают? И что ещё интереснее, что они сделают, когда узнают, что ты используешь магию?

10

— Нет у меня никакой магии! — кричу ему в лицо и пытаюсь пнуть ногой здоровяка, но только больно ударяюсь пальцем, издавая протяжный стон.

— Не знаю, что ты сделала там, на поле, как наворожила, но я тебя поставлю на место и заставлю быть хорошей женой, чего бы мне это ни стоило.

Отчаянно дергаюсь, пытаюсь высвободиться из его железной хватки. Сердце колотится как бешеное.

Я решаю сказать то, что приходит мне в голову, наугад ткнув в небо.

— А если они узнают, что ты бьешь жену, что будет? Ты думаешь, это приветствуется среди слугителей культа?

Я толком ничего не знаю про их здешний культ, кроме обрывочных представлений Летиции, но что-то мне подсказывает, что, возможно, у меня есть шанс запугать его этим...

— А кто тебя бил? — лицо Альфреда вытягивается, как будто его действительно интересует этот вопрос.

— Ты, проклятый подонок, постоянно избивал меня!

— Я пальцем тебя не тронул, хорошая моя, пылинки с тебя сдувал. Только и делал, что потакал твоим капризам, и вот к чему это привело.

— Люди все видели, люди скажут...

— Никто и ничего не скажет, хорошая моя, а если скажет, то будет иметь дело со мной. Поверь мне, таких дураков не найдется в пределах моих владений. Каждый, кого спросят, скажет, что я самый любящий, самый внимательный и щедрый муж, которого только может пожелать любая женщина.

— Они увидят синяки, они увидят всё!

— Синяки?

Альфред силой подтаскивает меня к зеркалу и зажигает еще одну лампу, чтобы света было больше.

— Где ты видишь синяки, Лети? Твое лицо пышет здоровьем, твоя кожа идеальна, ни один безумец не скажет, что кто-то бил тебя. Злой дух, что в тебе, исцелил твои раны, но растлил твою душу!

Я смотрю в зеркало и только тут понимаю, что никаких синяков нет. Все следы побоев, что были на мне, как и все раны от кустарника, в который я упала, совершенно исчезли, словно их и не было изначально. А я совсем забыла об этом.

— Не знаю, как ты это сделала, — Альфред крепко держит меня за волосы, показывая мне мое собственное лицо, — но я узнаю и выбью из тебя эту порчу.

— Отпусти меня, ты делаешь мне больно.

Чувствую, как метка на спине начинает нагреваться и жечь лопатку. Снова то самое чувство, как когда Альфред ударил меня там, на поле, и получил удар сам.

— Твоя ворожба перестала работать, Лети, — улыбается Альфред и сжимает мои волосы еще сильнее. — Я могу делать так сколько угодно, и ничего не будет. Видишь? А бить я тебя не буду. Тем более, что завтра мне нужно, чтобы ты была свежей и нетронутой. Подожди до тех пор, пока слугители приедут и уедут, и тогда я уж проучу тебя как следует.

Я зажмуриваюсь от боли и чувствую, как из глаз катятся слезы.

Почему всё это происходит со мной? Почему я такая слабая?

Слезы текут даже не от боли, а скорее от осознания собственной слабости и беззащитности. Я не могу убежать, я не могу вырваться, я здесь никто и у меня нет никаких возможностей сопротивляться...

— Слезами горю не поможешь, Летиция. Веди себя, как подобает, и мне не придется тебя воспитывать.

Он поворачивает мою голову к себе и спрашивает:

— Ну что, будешь хорошей девочкой? Будешь слушаться, как раньше, или будешь вести себя как бешеная?

Смотрю в его глаза, которые блестят в свете лампы, в его наглое и самодовольное лицо.

— Уж лучше я сдохну, чем слушаться тебя, мерзавец!

Набираю полный рот слюны и плюю ему в лицо.

— Тварь!

Он резко поворачивает меня и бросает грудью на стол, с которого тут же летят всякие баночки и разные принадлежности для ухода за собой.

Он заламывает мне руки и связывает веревкой от халата. Я как могу дергаюсь и пытаюсь треснуть его ногой, но мне удастся это лишь раз.

Он валит меня на пол и садится верхом, удерживая мои ноги.

— Клянусь всеми богами, я изгоню из тебя этот злой дух.

Он рычит, связывая мне ноги. Потом поднимает меня и бросает на кровать.

— Развяжи меня! Сейчас же развяжи! — кричу я, но даже не могу пошевелиться, связанная по рукам и ногам.

— Да сжалится высший дух над твоей несчастной душой! — суеверно говорит Альфред и засовывает мне в рот какую-то тряпку, чтобы я не могла кричать.

— Похоже, без знахарки тут не обойтись. Проклятье. Это будет стоить мне целого состояния. Но мне придется пойти на это. И угораздило же меня взять в жены такую слабую душу. Если бы знал, никогда бы в жизни не связался.

Он бормочет и ходит по комнате из стороны в сторону, что-то обдумывая.

Какая ещё знахарка?

По спине прокатывается неприятный холодок. Звучит очень скверно. Если эта знахарка владеет магией, то вероятно, у нее есть способность изгнать меня из тела Лети? Если уж у мачехи почти это получилось, то наверняка есть люди, у кого магия посильнее.

Нет, этого нельзя допустить.

— Она вылечит тебя, изгонит злого духа, и мы снова заживем как раньше. Но я заставлю тебя отработать каждую монету, что потрачу на эту жадную старуху. Клянусь всем сущим!

11

Альфред

— В комнату не входить! Моей жене нехорошо, она пережила слишком тяжёлый день, и ей необходим отдых.

Запираю дверь на ключ. Точнее, не дверь, а то, что от неё осталось.

— Кто войдёт сюда, тот будет иметь дело со мной. Это ясно?

— Ясно, господин...

— Вот и нечего тут толпиться. Позовите мне Джейкоба. Срочно!

Стараюсь не показывать на людях, как сильно я раздражён. Если они увидят слабину, управлять ими будет труднее. Лишь напускаю в голос больше стали и твёрдости. Пусть не расслабляются.

Когда я быстро следую в свои покои, меня чуть не сбивает с ног Глория, она хлопотливо семенит за мной и хватается за руки.

— Простите, господин, мне так стыдно, я такая ужасная мать, я во всём виновата.

Из глаз её катятся крупные слёзы, прорезая борозды в напудренных щеках.

— Ни в чём вы не виноваты, вы всего лишь бедная мать, пусть и не родная, но ваше сердце, видят высшие духи, такое огромное, что и на неродную дочь любви источает больше, чем у иных уходит на родных детей.

— Ваша правда, сударь мой. Как же Летиции повезло, что у неё такой прекрасный муж... Я ей так и сказала — вы святой человек. И подумаешь, один разок шлёпнули, так это для воспитания необходимо...

— Не переживайте, Глория, я обо всём позабочусь. И передайте мужу, чтобы не беспокоился.

Стараюсь, чтобы голос мой звучал как можно ласковее. Со стариками нужно обращаться уважительно, это я уяснил ещё в детские годы.

— Вы поистине святой человек, — она вытирает слёзы ладонью, отчего на щеках остаются безобразные разводы.

— Я лишь выполняю свой долг.

— Вы, можно сказать, облагодетельствовали её, а она, неблагодарная... принесла вам столько хлопот.

— Муж должен сносить все тяготы и невзгоды супружеской жизни, — говорю я.

— Я уверена, в неё вселился злой дух, — вдруг шепчет старуха. — Я признаюсь вам, обладаю кое-какими слабыми умениями, и я почувствовала...

— Никому не говорите, — строго объявляю я и делаю настолько убедительное лицо, что Глория делает круглые глаза.

— Разумеется, разумеется, — шепчет она и делает характерный жест, словно вешает замок на собственный рот и закрывает его на ключ.

— И что же вы будете делать? — спрашивает она страшным шёпотом, входя вместе со мной в мои покои.

— Не беспокойтесь, я знаю человека, способного решить эту проблему.

— Но это же, наверное, очень дорого? — она прикрывает рот рукой.

Да, она, похоже, осведомлена о том, сколько может стоить такая процедура, как изгнание злого духа.

— Нет ничего, чем бы я не пожертвовал ради супруги, — говорю я твёрдо. — Это пустяки по сравнению с тем, что стоит на кону. А теперь простите меня, мне нужно кое-что сделать.

Выпроваживаю Глорию и погружаюсь в размышления. Безумный день, и, похоже, ещё мне предстоит безумная ночь. Да где носит этого Джейкоба?

С имением и так не всё гладко, а теперь нужно будет потратить уйму денег на знахарку. Если бы не этот чёртов дракон, мне бы не пришлось ожидать визита инквизиторов, и не пришлось бы объяснять, почему моя жена привязана к постели по рукам и ногам. Перед ними надо делать вид, что всё у меня чинно и благородно, так же как и перед слугами, среди которых наверняка найдутся те, кому захочется доложить о чём-то не уместяющемся в рамки привычного. Чего доброго, они могут и самому герцогу доложить, а если он задумается как следует, может и ограничить кредит, а в этом случае я пойду по миру...

— Ну почему всё происходит одновременно? — выдыхаю я, когда в комнату, наконец, входит Джейкоб и закрывает за собой дверь. На его лице вечная улыбка. Ему, похоже, вообще плевать на проблемы. Для него всё так, словно жизнь — это сплошная шутка.

— Мне нужно сто золотых, — говорю я.

Ну, как ему понравится такая шутка?

Я угадал верно, с лица моего верного слуги и распорядителя тут же исчезает улыбка и уступает место озабоченному выражению лица.

— Но у нас нет...

— Ничего не поделаешь... Придется найти, — твёрдо говорю я, зажигая ароматическую смолу, запах которой меня успокаивает.

— Урожай был не очень обильным, вы же знаете, и от болезни пало много скота... Три деревни на грани тяжёлого голода, и северные земли требуют расходов на охрану, поскольку там орудуют разбойники...

— Я не хочу слышать это сейчас! — ударяю я ладонью по столу. — Моя жена одержима злым духом, и я срочно должен изгнать его.

— Не лучше ли дожидаться инквизиторов и вручить им заботу о несчастной?

— Ты совсем глуп или только прикидываешься? Если я сделаю так, они вызовут видящего. А ты знаешь, почему они называются видящими?

Джейкоб смущённо мнётся.

— Потому что они всё видят! — говорю я громче, чем мне хотелось бы. — Я не могу с ними связываться. Я должен показать им, что у меня всё в порядке. Я должен быть на хорошем счету у герцога. И мне нужно, чтобы моя жена завтра вела себя как всегда.

— Вы хотите купить услуги...

— Да, я хочу купить услуги знахарки, — говорю я прямо.

Лицо его морщится так сильно, что он становится похож на печёное яблоко.

— Тогда голода не избежать, и боюсь, мы не сможем позволить себе наёмников, чтобы защищать север...

— К чёрту их, — нетерпеливо говорю я. — Когда я всё улажу, все мои люди будут есть досыта, а разбойники будут висеть на деревьях. Я возьму у герцога новый займ, и дело с концом. Главное, чтобы никто не узнал про недуг моей жены, а то, чего доброго, могут подумать, что я проклят...

Джейкоб вздыхает.

— Я пошлю за знахаркой немедленно, господин.

— Вот и славно. Позови меня, когда она прибудет, я хочу посмотреть на изгнание духа.

Закрываю глаза и вдыхаю ароматный дым благовоний. Всё будет хорошо. Надо только немного подождать.

12

Пока размышляю, постепенно погружаюсь в сон. Мне снятся какие-то дети, ползающие у моих ног. Я отпихиваю их, но они всё лезут, цепляясь грязными пальцами за мои сапоги. Белые глаза на чумазых лицах смотрят нагло, словно знают мою тайну.

— Дай нам денежку, господин, а мы никому не скажем.

— Чего не скажете?

— Ничего не скажем.

Мальчик смеется и кусает меня за ногу, и тут я вижу, что это вовсе не мальчик, а собака с мордой свиньи. Я пытаюсь убежать, но меня кусают со всех сторон, я падаю, и меня тащат по грязи. Цепляюсь пальцами за землю, проклиная всё на свете.

И тут чувствую, что в мое плечо кто-то вцепляется и трясет. Пытаюсь смахнуть его. И только тут просыпаюсь и понимаю, что это рука Джейкоба.

— Простите, господин, я привел старуху.

Раскрываю глаза и в ужасе смотрю на слугу.

— Будь ты проклят.

Вскакиваю на ноги, всё еще под впечатлением от сна.

— Приснится же такое.

Мотаю головой, отгоняя наваждение. Не к добру это, ох, не к добру. Сердце стучит, как бешеное, дышу, словно загнанный зверь. По лицу струится пот.

— Давай деньги, — говорю ему, — и води её сюда.

В руки мне опускается увесистый кошель с монетами. Надеюсь, что все сто не понадобится и удастся сторговаться с жадной старухой.

Когда она входит в мои покои, у меня ощущение, что в комнату влетела черная ворона.

— Посылал за мной? — спрашивает она без церемоний и садится в мое кресло, не спрашивая разрешения.

— Уж не будешь осуждать старуху, что села отдохнуть? — её глаза сверкают наглой искрой.

— Чего вызывал?

— У меня проблема, — сажусь я напротив, стараясь не раздражаться. Сейчас она — единственный человек, который может помочь мне.

Выслушав мою проблему, она улыбается беззубым ртом и причмокивает.

— Одержимость? Да еще такая, которую надо скрыть? Что ж, это хорошая задача, я такое люблю.

— И сколько будет стоить это?

Даю себе слово, что если старуха заломит непомерную цену, просто спущу её с лестницы и разберусь с Летицией как-нибудь иначе.

— Я возьму всё, что есть в твоём мешочке, Альфред, — говорит она. — Сколько бы там ни было, всё моё. Думаю, это справедливо.

Проклятье, не надо было показывать ей мешочек...

— Я предпочитаю честно вести дела. Моя репутация важнее денег, — говорит она лениво. — Сам понимаешь, мои услуги стоят дорого не просто так. Я тебе уже помогала в некоторых, эммм, щепетильных вопросах. Помнится, твоя прошлая жена...

— Ни слова про неё!! — обрываю старуху на полуслове.

Ещё не хватало, чтобы она припоминала наши старые делишки.

— Это всё дела минувшие, — кивает она. — Теперь совсем другое дело. Одержимость! Благородное, можно сказать, предприятие, избавить несчастную от одержимости.

Она подмигивает.

— Ты не поняла меня, — говорю, бледнея. Да что она себе думает? Что я решил известить Летицию?

— Это правда одержимость. Я не хочу... Я не хочу, чтобы она погибала, поняла меня?

Говорю так твердо, как умею, и, кажется, до нее доходит.

— Вот оно что. Тогда это будет стоить дороже.

Проклятая старая вымогательница.

— Ровно столько, сколько в мешке, — раздраженно говорю я и бросаю мешочек ей в руки. — Иначе будем говорить по-плохому.

— Не смей мне угрожать, сосунок, — говорит она, но деньги всё-таки берет.

— Бери, бери, — говорю я. — И чтобы излечила её от недуга до утра. Иначе сдам тебя инквизиторам завтра же.

— Себя сдай, брехло, — бросает она пренебрежительно и, кряхтя суставами, встает с моего кресла. — Не думай, что я не стану рассказывать о твоих делишках, если придется. Так что держи этих мерзавцев от меня подальше. Прилетал дракон, и я уже в курсе, что эти идиоты завтра прискочат сюда.

Она взвешивает на руке монеты и причмокивает с удовольствием.

— Сотня, как в прошлый раз. Неплохо. Веди, где там твоя девчонка. Хоть посмотрю, на кого ты променял прошлую.

Летиция

Черные лохмотья, морщинистые руки сжимают отполированную до блеска палку, из глубины капюшона на меня смотрят пронзительные колючие зеленые глазки. Похоже, это и есть та самая знахарка. Прикусываю щеку изнутри, чтобы проснуться. Но я не сплю. Комната, ярко освещенная свечами, никуда не девается, как и старуха в черной одежде, больше похожая на смерть, не хватает только косы.

— Ну что, дорогуша, подселили к тебе злого беса? — кряхтит старуха. — Не переживай, деточка, сейчас мы его мигом вытравим. Я-то уж знаю как. Кто, как не старая знахарка Ванда, может изгонять духов. Я и сама когда-то была одержима. И сама выгнала из себя проклятую сущность. С тех пор дар-то у меня и открылся.

Я дергаюсь на кровати, пытаюсь высвободиться. Альфред стоит, скрестив руки на груди. Повсюду в комнате горят свечи и нещадно чадят темным дымом, от которого в носу свербит. Старуха срезает локон моих волос острым, закругленным на кончике ножом и сжигает волосы на огне одной из свечей. Запах становится теперь уже совсем тошнотворным. Дергаюсь ещё сильнее, но руки мои и ноги крепко привязаны к кровати.

Что же это они делают? Разве так можно? Похоже, по моим перепуганным до смерти глазам старуха понимает, какие чувства я испытываю в эту минуту.

— Да ты не бойся, это не страшно. Не ты первая, не ты последняя...

Она с грохотом ставит на стол большую кожаную сумку, в которой веса не меньше, чем килограмм десять. И как только эта бабка таскает такие тяжести? На вид ей уже лет сто, не меньше. Она начинает вынимать из сумки одну склянку за другой. Какие-то сушеные травы, ступка, чтобы всё это перемалывать.

— Чую, что дух, вселившийся в неё, принадлежит к огненной стихии. И бороться с ним нужно соответствующим образом. Выжигать огонь огнём!

Говоря это, она обращается к Альфреду, который стоит с каменным лицом, я не могу прочесть по его выражению, о чем он думает, но, похоже, любопытства в нем не меньше, чем тупого безразличия, которое он пытается показать. Ванда берёт в руки что-то похожее на клещи и засовывает в камин, на ярко горящие поленья.

— Будет больно, но без боли не бывает, — вздыхает старуха. — Боль очистит твою грешную душу.

Языки пламени играют на её сморщенном лице, когда она вынимает из камина раскаленные докрасна щипцы, и я понимаю, что теперь начались настоящие проблемы. Если бы я могла закричать, я бы закричала.

13

— Голубчик, ступай передай народу, чтобы уши заткнули воском, если не хотят, чтобы в них влетел дух, — голос знахарки звучит глухо и угрожающе. От этого голоса по всему телу бегут болезненные мурашки.

Слуга Альфреда сгибается чуть ли не вдвое, услышав приказ знахарки, и выскакивает из комнаты. Я слышу, как он громко раздаёт распоряжения всем заткнуть уши, пугая их тем, что в доме бродит злой дух, ищущий слабую душу.

— Хороший у тебя с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.